

Вижу ноги / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Вижу ноги / рассказ ВИЖУ НОГИ

Ты сидишь в «боинге» с чашкой чая в руке и летишь на Корфу. Чашка хлипкая, пластиковая – и горячая. По салону, завихряясь, гуляют сквозняки. Вылет ночной, народ не спал почти сутки. Соседка подносит руку к стеклу, тыльной стороной, потом ладонью, ловит колебания воздуха... «Дует что-то из окна», – поморщившись, она плотно закрывает створку иллюминатора. Ты невозмутимо пьешь чай. Заканчивается сентябрь.

«Боинг» приземляется чуть ли не в море – взлетная полоса раскаивает землю прямо от воды. На паспортном контроле сладко зевает молодая гречанка-пограничница. У нее узкие прямоугольные очки в черной оправе. Волосы собраны в хвост. Сиреневато-дымчатая форменная рубашка заправлена под ремень. На поясе здоровенная рация и огромные, не соразмерные телу, кисти рук. Ты смотришь на крестьянские короткие плоские прямоугольные ногти с идеальным маникюром: что-то в этом нелогичное, обман.

Солнце затапливает аэродром. Ты садишься в автобус; здравствуйте, дорогие гости острова Корфу; переключка; тронулись. Гида зовут Одиссей. Ты думаешь: а где циклоп? Вспоминаешь, как хотела дать Наташке Косовой в глаз. Не тогда, когда она тащила тебя с Десячкой в школьный туалет – топить, а потом. Но так и не дала. С тех пор прошло тридцать лет. Скорее всего, Косова ослепла сама.

Глядя из окна автобуса на бесконечные ряды магазинов с товарами на любую потребу, вспоминаешь: в Греции все есть. Прямо здесь, на обочинах этого шоссе.

Твоя остановка. Деревня Беницы. Белые, желтые, розовые виллы с темно-зелеными ставнями. Колоры домов на Корфу средиземноморские, не бело-синие, как на Крите.

Отель «Корфу Марис», до моря семь метров. Берешь у портье ключ от номера, открываешь лакированную дверь. В окне колышется

пальмовая лапа – огромная зеленая щетка. Изловчившись, пожимаешь пальме лапу. Одиссей говорит, ей сто лет. Ствол красиво обтесан – с талией, как у коктейльного бокала. Всего таких пальм на террасе пять.

В гостинице нет коридоров: к номерам приводит балкон, длинная галерея вдоль здания. Балконы разных этажей соединяет лифт. На штендере перед лестницей в столовую повар пишет меню, мелом, округлыми буквами, как в первом классе: заглавным пунктом – макароны с лобстерами. Хозяин, коренной грек Анастас, по кличке Энди, любит объявлением.

Смешной отель. Это здесь ты придумала «вижу ноги». Фирменный способ, как расписываться после отчаяния. Художники расписываются на автопортретах. А писатель, если он не окончательно опустил от неурядиц, пьянства и безденежья, может взять тетрадь и написать заглавное: что я вижу? – а потом нашпарить через запятую, что. Первое, что ты видишь в такой ситуации, – это ноги. Смотришь на них и думаешь: это я. И тогда ты берешь ручку и выводешь, как школьник: вижу ноги. Что делать, когда ты деградируешь? Мунштровать извилины изучением языков? Снимать зажимы, по Станиславскому? Мужчину, в конце концов, поменять? Профессию? Медитировать? Ты не знаешь.

Вот ты жила-жила, и вдруг увидела, что все идет не так. И тогда ты берешь билет и уезжаешь на Корфу поговорить с Посейдоном.

Ты «молодой писатель». Ты уже двадцать лет «молодой писатель», потому что в России серьезным писателем становятся после сорока.

И вот ты берешь блокнот и выводешь с красивым наклоном, не спеша: вижу ноги. Спешить тебе некуда. Жизнь, где надо спешить, проходит мимо тебя.

Чернильный цвет за окном. Темнота цвета густых синих чернил. Не черного – именно темно-синего цвета. В России никогда не бывает такого.

В твоём отеле вечерами тихо. Тебе повезло. В этом сезоне Анастас не нанял аниматоров. Ты можешь описывать свои ноги хоть до рассвета.

В гостиничных номерах нет люстр – только бра и торшер, жужжащий, как лампа дневного света в советском магазине. Сперва ты думаешь, что вешать люстры на потолок здесь не принято, – но нет, заглядывая в Беницах в окна домов, замечаешь – люстры висят. Кое-где даже хрустальные – пышные, развесистые.

К завтраку ты встаешь поздно, за пятнадцать минут до конца. Для украшения стола работники слепили круглый шар из пластилина, обернули его алюминиевой фольгой и украсили наколотыми на зубочистки листками китайской капусты, финиками и маслинами. Сверху навит декоративный розан из помидорной кожуры с хохолком из верхушек китайской капусты. На алюминиевую голову никто не покушается.

Этот помидорный розан – единственное, что достается тебе из овощного рациона. Смирись с этим, лузер. И не говори, что лузеры не ездят на Корфу. Это винеры не ездят на Корфу, они едут в Барселону и Рим.

Не стесняясь, ты объедаешь прическу с алюминиевой головы.

«Что я вижу?» – с исступлением пишешь в тетрадке. Горы, горы, горы, темно-зеленые шапки гор.

Вижу камни. Валуны. Они серые. По камням ползают мокрицы. На камни падает тень. В воздухе осы. Вижу шариковую ручку, которой пишу. На валунах сухие стебли водорослей, похожие на лыко.

Валуны изъедены морем. Это известняк. Море невкусное. Едко-соленое и горькое. Дно, где нет водорослей, зеленоватое. Где они есть – черное.

Вижу свои серые сандалии. Вижу материк вдаль и легкую белую яхту, а может быть, маленький теплоход.

В море нет буйков. Никто не следит за купальщиками на пляже. Никто не заплывает далеко. Только ты. Так далеко, что исчезают звуки, абсолютная, пугающая тишина вокруг, а люди на берегу крошечные, с наперсток. Шторм может начаться в любую минуту, из ничего, и утопить тебя. Но он не начинается.

Ноги-ноги, что же вы такие бледненькие? Брюсов-Брюсов угадал и на сто, и на двести лет вперед.

До вечера загораешь в шезлонге. Море плещет в метре.

Растаскиваешь составленные вместе, по гостиничному чину, кровати. Ты хочешь смотреть из окна на столетнюю пальму и устраиваешь изголовье у противоположной стены.

Шелест моря в окно. Шторы оранжевые, небо голубое, море джинсовое.

На второй день ты сильно обгораешь. Ты нигде не видишь птиц. Ни одной. Ни над морем, ни на суше их нет. Единственная птица, которую ты встречаешь в Беницах, – металлический черный флюгер над дымоходом.

Одиссей из бакинских греков, без акцента говорит по-русски. По профессии врач. Он уже несколько месяцев ждет место в клинике, а пока подрабатывает гидом в турфирмах.

Сто лет назад младшим дочерям давали в приданое самые плохие, сырые земли – у моря, рассказывает он. Никто не хотел там селиться, все хотели повыше в горах. Потом, когда на Корфу стали строить отели, эти старухи стали миллионершами.

Ирландская семья на молу – пять человек. Пожилые родители, старший сын с женой и младший, мальчик. Только что он сильно хлопнулся с водных лыж. Катер затормозил, развернулся его спасать.

Здесь их пляжное место. Ты наблюдаешь за ними, а они за тобой: в руках у тебя книга за авторством Хакамады «Sex в большой политике» – сцапнула покет со стойки в супермаркете перед отлетом. Первое слово названия, понятное им, написано огромными красными буквами, белыми на красном фоне, в половину обложки. Читаешь «Sex» с умным видом.

Впереди вдали материк. Слева, на мысу, аэродром, садятся и взлетают самолеты, близкие, как воздушные змеи. Их больше, чем теплоходов в море.

Прибоем намыло ковер из водорослей.

Морских ежей, которыми пугали ваши босые ноги, нет.

Вечерами гуляешь по шоссе вдоль моря, уходишь от отеля километра на два.

На улицах тихо, музыку можно услышать только в тавернах. Идешь по деревне и смотришь, что так, а что не так. Поребрики выкрашены не в зебру, как у нас, а в желтый. Вдоль заборов в цветочных горшках – настурции и петунии. Стиральные машинки

ставят прямо на улице, во дворе. В частных садах цветут олеандры. А где же пинии, о которых Фриш?

Сорви, сорви с придорожного куста лавры – попробуй на них почивать.

По берегу – рыбаки без удочек, ловят рыбу на одну леску. Забрасывают, как лассо, и ждут. Мужчины, и женщины. Иногда – парами.

Ночью вдали нитка бус, сверкающая, – огни рыбацких лодок, равномерно тянется вдоль материка.

За соседним столиком на террасе сидит прустовская стайка. С раздачи девушки притащили целое блюдо черных слив. Это гостиничный фетиш – медовые сладкие очень крупные сливы. Их расхватывают в первую очередь. Тебе их никогда не достается.

Доминирующая девушка громко, в голос, что-то рассказывает. Ты прислушиваешься и понимаешь: девушки из полиграфического, обсуждают натурщиц («городские сумасшедшие!»). Верховода о них – как о походе в зоопарк.

– Знаешь, какие у нас бывают модели? Очень своеобразные. Но тихие. Я когда первый раз пришла, обомлела: в таких шляпах! Одежды безумных цветов, все пестрое, яркое. Если сидят по двое, как ни в чем не бывало разговаривают о питании и о детях.

Ты поживаешься, вспоминая как былые времена протирала жопой натурщицкий трон в Полиграфе, и решаешь сделать девочке неуютно. Ты подсаживаешься к ним за столик и спрашиваешь:

– Вы из Полиграфа?

– Да, – говорит главная девочка.

– У кого учились?

– У Скрынникова.

– А еще у кого?

– У Косынкина.

– Ясно.

Ты хихикаешь и говоришь:

– Вы извините, что я влезла. Я вернула вас с Ионического моря в Коптево.

– Да, – в тон отвечает девочка.

– А так оно и есть, – говоришь ты.

Над столами вьются осы, медлительные, обожравшиеся – можно убить щелбаном. Эти греческие осы не жалят: они садятся на плечо и выкусывают крошечный кусочек плоти.

Галечный пляж, камни вперемешку с отмершими водорослями – длинные бурые чешуйки, как широкая лапша, только коричневые. Вдали горы, горы... Соседние острова – как и положено – в дымке. Отплываешь подальше, чтобы увидеть горы. Они высоки и зелены. Потом весь день лежишь на сером сетчатом шезлонге, катаешь ногой голыш и пишешь письмо самой себе.

Девушку, которую ты задирали в ресторане, зовут Алисон. Она сообщает, что видела низко летящих чаек и что рыба выпрыгивала из воды – будет шторм. На ней большие, вразлет, солнечные очки и ярко-голубая туника. Алисон только что кокнула гостиничный стакан и интересуется, разбивала ли ты здесь что-нибудь.

– Надо заплатить, – говорит Алисон.

Отвечаешь: забудь, и советуешь выкинуть осколки в урну.

Под вечер ты идешь в горы – в часовню Святой Параскевы. Бетонка прорезает лес. Оливы, наследие итальянцев. Стволы у них перекрученные, ноздреватые, со множеством отверстий. Но это не дупла – просто дыры в стволах, наподобие сырных. Вьюны с ярко-синими огромными цветками забираются высоко – метров шесть-семь – на туи, оплетают их фатой. Вдоль обочин растет конопля. В Греции много наркоманов, по закону их не преследуют, желающим выписывают справки о болезни. Во время ломки можно прийти с этой справкой в поликлинику, и тебе бесплатно сделают укол.

Размышляешь про пепельный тон корфуанских ландшафтов – и понимаешь причину. Во-первых – серебристые, словно припорошенные пеплом, кроны олив; во-вторых – противооползневая сетка, которой затянута склоны.

В горах ты впервые увидела птиц. Мелкие, летали стайкой, пищали. Похожи на воробьев. Они живут на кленах.

Маленькая церковка среди дубов. Самому старому полтысячи лет. Рядом святой источник – изливается из горы в подставленный синий пластмассовый тазик. Дверь в сени открыта. Ты зашла туда и увидела небольшую икону. Параскева в серебряном окладе, молодая, строгая и пронзительная, как учительница младших

классов. Она стояла и держала поднос. Там лежали глаза. Два глаза без зрачков. Внизу под ногами – череп и кости.

Здравствуй, Параскева, – призываешь ты, и непонятно, слышит она тебя или нет.

Спускаешься не по дороге, а по тропе, она извивается и ведет непонятно куда, начинает темнеть, ты спешишь, наступаешь с разгону на камни, они разъезжаются, и ты слетаешь правой ногой в безду, но удерживаешься, а красотищу из ссадин на голени потом всю неделю разъедает морская вода, и они заживают плохо, как кошачьи царапины.

А тропа выводит к деревне, конечно. Куда же еще.

Ужинать лучше в тавернах, в гостинице не интересно. Местные блюда – мусака и софрито. А рыба та как называлась? Типура.

Надо же, у тебя еще есть любопытство к жизни.

После того как Параскева протянула тебе на подносе свои глаза, ты поняла наконец, что в глаз нужно целовать, а не бить.

Одиссей записывает желающих на экскурсии. Он пишет в блокноте со сноубордами, они напоминают тебе расписные разноцветные пилочки для ногтей.

Спрашиваешь Одиссея, где продаются тетради.

– Тетради? – удивляется он.

Ну да, обычные школьные чистые тетради.

– Зачем тебе?

Говоришь – я писатель.

– Писатель – и не взяла тетрадь?

– А это, знаешь, как с презервативами. Возьмешь в отпуск – точно секса не будет, не возьмешь – случится непременно. Русская народная примета.

Смеется. Да-да, говорит, слышал такую. А тетради – в газетном киоске на остановке в Керкире.

Местный «зеленый автобус» довозит до Керкиры. Стоишь столбом перед инфостолбом, переписываешь расписание обратно в Беницы. Билет на проезд по острову, независимо от расстояния, стоит евро тридцать.

Улочки в Керкире итальянские – узкие, мощные ромбами. Высоко над головой сушится белье – веревки перекинута от дома к дому; должны быть специальные крючья или ухваты, чтобы вешать его и

снимать. В храме святого Спиридона богослужение, прихожанки – пенсионный возраст – неодобрительно смотрят на туристов, заходящих на зов песнопения в открытые двери. Все сидят на скамьях. Возможно ли такое в православном храме? Надо спросить Одиссея, думаешь ты. В другом храме венчание. Вход украшен цветами и белыми лентами.

На центральной улице Керкиры стоит пушка, подходишь – русская, адмирала Ушакова: французов прогнал.

По газонам в сквере бродят голуби. Ты думаешь, что хотела бы посидеть сейчас в Летнем саду. Потом вспоминаешь – у Олеси Николаевой есть стихотворение про Керкиру. И там неправильное ударение.

В придорожной лавке покупаешь кумкваты – крошечные, размером с карамельку, апельсины, высушенные и засахаренные. Инжирно-апельсиновую замазку, лучшее лакомство. И ликеры, их множество. Эно, дио, триа, тесера, пенде, экси, эфта, охто, энеа, дека. Десять видов. Ты берешь два.

Заглядываешь по наводке в киоск. Самая дешевая, простецкая тетрадь – проще некуда – стоит четыре евро. Ну их нафиг, такие презервативы.

На обратном пути возвращаешься, покупаешь.

В сувенирных рядах привлекает внимание человечек – он висит на вертушке с подарочной мишурой. Человечек связан из серо-голубых ниток, а голова у него в виде клубка. Ирокезом воткнуты булавочки, несколько. Какая прелесть, игольница, думаешь ты и протягиваешь два евро.

Дома ты смотришь на этикетку и изумляешься. Никакая это не игольница. Woododestroyer.

Кто завез на Корфу этакую диковину? Разве что африканец, торгующий по вечерам поддельными солнечными очками на эспланаде.

Ты идешь гулять. Дикая крошечная ежевика у дороги. Срываешь две ягоды. Одна сладкая, другая кислая. По заборам вьется виноград. В садах персики и айва. Апельсиновые деревья, которые так прославляют туристы, все уже обобрали. Яркие-синие огромные цветки вроде вьюнков на живых изгородях. Что это, барвинки? Пиши, пиши в своей тетради за четыре евро.

Каждый день в номер заходит горничная. Моем кафельный пол, перестилает постели. Изю дня в день она вторгается в личное пространство как минимум тридцати человек, видит их вещи, предметы, рассредоточенные по комнате. На полу валяются носки, сандалии и кеды, в ванной лежат зубные щетки, «Шварцкопф», паста «Орал Би». На трюмо – маленький походный электрочайник. На тумбочках у кроватей – книги, питье и таблетки. Хотела бы ты поработать горничной денек, чтобы взглянуть: а как в комнатах немцев? Англичан? Мальтийцев? Чисто? Разбросано? Какие вещи стоят на виду? Что они читают? Во что одеваются? Какой пастой чистят зубы? Кто больше дает на чай?

Вот в этой оранжевой майке толстопузый русский вчера куролесил, расфуфыренный, в баре, по привычке отметишь ты, – а сейчас она скомкана и валяется между трюмо и кроватью. Есть же вешалки. Почему они не вешают одежду на вешалки?

Ты поднимешь с пола эту потную тряпку и расправишь ее на спинке единственного в номере стула.

Единственное слово, которое ты забываешь по-английски и которое требуется в поездке, – ножницы. И, кажется, это единственное слово в коллинзовском словаре, которому забыли дать перевод: недосмотр редактора. Попытки зайти с обратной стороны и найти их на корень *knife* не дают никаких результатов. Бирка на футболке садистки впивается под ребро, смириться с ней невозможно. Рисуешь ножницы на листочке, идешь на ресепшн.

В глубине острова есть деревня Коккини, где албанские дети швыряют камнями в проезжающих по дороге. Ты об этом не знаешь, ты просто гонишь мимо на взятом напрокат квадроцикле.

Булыжник попадает тебе по голове.

Но у тебя шлем.

К обеду ты в Палеокастрице. Лесистый мыс, окаймленный с трех сторон маленькими бухтами. Прибрежные гроты. Лодочник отвозит туда на моторке. Вода в них подкрашена синькой Лефлера. Она ледяная.

Ресторан высоко в горах. Кипарисы спускаются к берегу. Вид с горы – скала, утес в открытом море, на вершине одинокий кедр. Все заполировано солнцем. Ты заказываешь софрито – изрядно

тушеную говядину под чесночным соусом. Оказывается недурно. Гора расчесана на ломаный пробор автотрассой. Не серпантин, а крутой зигзаг с острыми углами, как будто прострочили оверлоком. Монастырь Божьей Матери. Беленые стволы туй, в горшках возле стен обители базилик. Отламываешь стебелек, жуешь. Куст пышный, незаметно. Вкус мятно-пряный.

Церковь Девы Марии с выносной колокольней. Гудение в церкви. Ровное, глухое. Что это? Вытяжка над свечами. Латунный резной балдахин. Святой Марии делают подношения – кольца, в благодарность за помощь. В кольцах вся церковь, большинство золотые.

Живы ли древние боги? В этих горах и лесах пытаешься это понять. Если да, то как уживаются на одних землях с Иисусом Христом, Девой Марией и Параскевой, чей дух поселен в маленькой горной церквушке?

На завтрак ты, как всегда, опоздала. Из овощей остаются только декоративные розочки, скрученные из помидорной кожуры. Аккуратно снимаешь их с зубочисток. Алюминиевой головы сегодня на раздаче нет.

– Ты уже ездила в Сисин дворец? – спрашивает Алисон.

Сиси – домашнее прозвище жены Франца Иосифа, на Корфу она лечила туберкулез. Печальная императрица, после смерти сына принца Рудольфа (скандальное двойное самоубийство, с любовницей) она надела траур и не снимала его больше никогда.

Ее убил рабочий-анархист, преподнес на прогулке и цветы, а в букете была заточка. Анархист попал точно в сердце.

По легенде, он подарил ей ландыши, хотя какие ландыши на Женевском озере в сентябре.

В парке при дворце Сиси много цветов – ароукарии, бархатцы, петунии. Их созерцают бронзовые Аполлон и Фрина. Ты думаешь: если я была бы зрителем парка, здесь не было бы ни одного цветка.

Алисон от души напилась и порвала тунику: через прореху сбоку видна большая грудь.

– Я видела твою аварию с туникой. У меня есть голубые нитки. Если надо, возьми. Я взяла с собой нитки всех цветов, каких у меня одежда.

– Лень возиться, – отказывается Алисон. – Впрочем, я тоже взяла нитки: черные и белые.

На следующий день она выходит к завтраку в точно такой же тунике. Фиолетовой.

Снова гуляешь в лесу. Вдоль тропинок колючки – ежевика, чертополох, огромные языкатые кактусы. Смотри, ты вся исцарапалась. На бетонной дороге тут и там попадаются гильзы от дробовика второго калибра. Зеленые, черные, разных цветов, из разных партий. И – тишина... Никого...

Вернувшись, спрашиваешь Одиссея: кого отстреливают? Одиссей не знает, что сказать. Потом придумывает: зайчиков...

Солнце зашло за тучи, на пляже брошенные лежаки. Осталась ты одна. Ветер усиливается с каждой минутой.

Нет, не одна – вон вдали плещется одинокий купальщик.

Выходит на берег, попадает ногами в резиновые сабо, накидывает полотенце на шею... идет под душ. Душ ледяной. После него море кажется парным молоком.

Сиси в молоке не купалась. Она принимала теплые ванны с оливковым маслом. Одиссей сказал, она была помешана на красоте: на ночь накладывала на лицо маску из свежей телятины. У нее были волосы до колен, она мыла их сырыми яйцами и бренди, на что уходил целый день.

Ты зовешь Посейдона, а приходит шторм. Он начинается к вечеру, вода бьет о гальку упруго и мерно. Пальмовая лапа колышется совсем рядом с балконом, гладит, метет верхний этаж.

Материк скрывается из вида. По пляжу бродит одинокая немка с желтым зонтом, в красной ветровке. Ее видно издали, как дорожный знак. Почему ты решила, что она немка? По фигуре, как же еще. В магазинах германской моды вся одежда сшита по таким лекалам.

И почему тебе кажется, что все официантки, которые обслуживают в ресторане, русские, хоть и говорят по-английски?

Ты идешь в продуктовую лавку и покупаешь огромную помидорину. С гандбольный мяч. С голову ребенка. С дыню-колхозницу.

Старый грек обсчитывает тебя на тридцать центов.

О, какие вкусные в Греции помидоры. Ради них одних стоит ездить на Корфу. Сладостные и душистые. Это было ясно даже по

кожуре.

На берегу мучительная влажность – полотенца, развешенные на балконе, за ночь не просыхают. В ресторанах в солонки и перечницы кладут рисовые зерна, чтобы не отсыревали специи. Помогает не особо, но, по крайней мере, их можно хотя бы вытрясти из баночки. О том, что перец и соль – с рисом, ты узнала, когда пыталась отсыпать их в салфетку, чтобы приправить свой помидорный салат.

В номере ты мелко режешь апельсин, чтобы воссоединить его с помидориной и красным луком. Оливковое масло и молотый мускат у тебя уже есть.

Случайно, совершенно случайно в словаре попадается shears, ножницы – ты искала shell (на фронтоне одного прибрежного особняка туристов заманивает надпись – Corfu shell museum и ныряющий голубой дельфин), а shears по соседству.

Все твои вещи пахнут морем.

Последний завтрак. Сегодня ты пришла в ресторан раньше всех. Официантка по имени Виля, рашн-спикинг-гёрл из Прибалтики, натирает полотенцем приборы. Ты спрашиваешь, нравится ли ей на Корфу.

– Год собиралась, думала, что еду в сказку, – и вот сию, ножки чищу.

– А зарплата?

– Две тысячи евро. Наш хорошо платит.

– А средняя здесь?

– В сезон тысяча евро, в несезон – семьсот.

Разложив приборы по столам, Виля уходит на кухню – и выносит вазу с черными сливами.

На прощание Одиссей пишет тебе в тетрадку свой e-mail. Ты понимаешь, что на самом деле его зовут Отарик.

Вот и все. Загорела. Облезла. Исцарапала ноги в горах.

На память о Корфу у тебя остается шелковая красная ленточка от пакета с засахаренными кумкуатами и вуду-дестроер. Ты вытаскиваешь иголки из вязаной головы и бросаешь с балкона в море. Потому что человечек – это ты.

Об авторе: ЕВГЕНИЯ ДОБРОВА

Писатель, поэт, переводчик с польского. Окончила Литературный институт им. Горького. Свыше десяти лет работала литературным редактором в СМИ. Автор книг «Персоны нон грата и грата» (издана в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»), «Угодья Мальдорора», «Чай» и других. Дважды стипендиат министерства культуры России. Стипендиат министра культуры и национального наследия Республики Польша по программе *Gaude Polonia*, учрежденной для молодых деятелей искусства, имеющих значительные достижения в своей стране. Стипендиат Варшавского университета по программе *Artes Liberales* в области литературоведения. Член Союза писателей Москвы, член международного ПЕН-Клуба. Некауалар